К. Д. БАЛЬМОНТЪ

ВЪ ГОРНОЙ ДОЛИНѢ

ИЗЪ КНИГИ „ВЪ РАЗДВИНУТОЙ ДАЛИ“

Тихое озеро въ горной долинѣ,
Въ горной долинѣ пасутся стада.
Воздухъ высокій надъ пропастью — синій,
Тянется сердце — къ высотамъ — туда.

Ключъ, проскользнувъ по гранитнымъ громадамъ,
Сонное озеро выбралъ какъ цѣль.
Блѣдный на камнѣ пастухъ передъ стадомъ,
Тонкая томно играетъ свирѣль.

Тянутся узкія, тонкія сосны,
Темныя сосны по горной стѣнѣ,
Быстро проходятъ короткія весны,
Медлитъ зима въ снѣговой вышинѣ.

Тянутся стебли бѣлѣющихъ лилій,
Облики лилій — въ водѣ озерной.
Выше — орлы сѣрокрылые свили
Дикія гнѣзда въ скалѣ вырѣзной.

Въ часъ какъ къ ночлегу скликаются птицы,
Сильныя птицы, чей путь — вышина,
Звоны плывутъ отъ церковной звонницы,
Людямъ и птицамъ — спокойствіе сна.

Только въ высотахъ альпійскія зори
Алымъ горѣніемъ молятся вслухъ.
Только не молкнетъ во взлетахъ и въ спорѣ
Узкой долиной томящійся духъ.

КОЛОДЕЦЪ

Опустила я руку въ колодецъ лѣсной
И къ водѣ наклонила лицо.
Я не знаю, какъ это случилось со мной,
Но съ руки соскользнуло кольцо.
Подняла отъ колодца лицо я свое,
Посмотрѣла на ближній откосъ,
И душа задрожала и вѣтеръ ее
За высокую тучу унесъ.
Я не знаю, въ себя или въ небо смотрю,
Наяву чарованія сна.
Небосинь изливаетъ мнѣ въ сердце зарю,
Черезъ сердце проходитъ весна.
Отошла я къ опушкѣ отъ влаги лѣсной,
Но изъ лѣса уйти не могу.

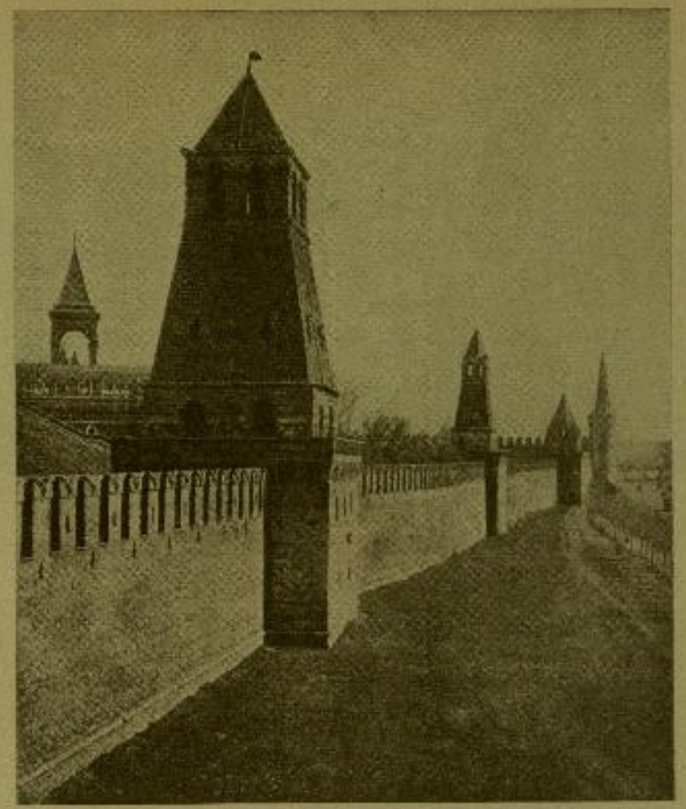
Гдѣ ни стану, зеленый потокъ предо мной,
Я стою на его берегу.
Я вернулась къ колодцу. Хрустальная глубь.
Тамъ на днѣ золотой ободокъ.
Я не знаю, не волка - ли слышится ступь,
Я не знаю, не бѣлки - ли скокъ.
Я не знаю, не птица - ли плещетъ въ груди,
Не идетъ - ли единственный онъ.
Но въ вершинахъ лѣсныхъ, впереди, позади,
Колокольный качается звонъ.
И небесный огонь мнѣ сжигаетъ лицо,
Излучилась къ землѣ вышина.
И въ колодцѣ на днѣ, гдѣ горѣло кольцо,
Золотая мнѣ рыбка видна.

К. Бальмонтъ

ИВ. БУНИНЪ

ПОРУГАНЫЙ СПАСЪ

— Нѣтъ, господинъ, не всякъ Бога славитъ, а Богъ себя явитъ. А когда и за что — одному Ему извѣстно. Сколько именитыхъ иконъ и соборовъ, сколько мощей хоть, скажемъ, въ нашей мѣстности! А вотъ было - же такъ: заболѣла смертной болѣзнью дочка одного нашего купца, дѣвочка, и, Господи, Царица Небесная, чего только этотъ купецъ для своего чада не дѣлалъ! И докторовъ - то изъ Москвы выписывалъ, и молебны самые дорогіе служилъ, и къ мощамъ, ко всѣмъ чудотворнымъ иконамъ въ Москву и къ Троицѣ возилъ, и всѣ наши мѣстныя святости подымалъ, — ничего не помогаетъ! А дѣвочка все свое твердитъ: буду здоровая непремѣнно, исцѣлюсь, молъ, обязательно, только не отъ этого ото всего, а отъ Поруганаго Спаса. — Ну, прекрасно, говорятъ ей отецъ - мать, вѣримъ и надѣемся, только что это за Поруганый Спасъ и гдѣ Онъ находится? — А это, говоритъ, я во снѣ видѣла, Богъ мнѣ такое видѣніе далъ. — И того лучше, отвѣчаютъ ей, но какой-же Онъ и гдѣ? — А вы, говоритъ, ищите, вездѣ ходите и ищите. Я и сама не знаю, гдѣ Онъ. Знаю только, что поруганый и въ большой хулѣ и бѣдности, брошенъ куда - то какъ попало и ужъ давнымъ давно, еще при царицѣ Василисѣ. — При какой такой царицѣ Василисѣ? Такой, молъ и царицы никогда не было. — Ну ужъ этого я ничего не знаю, говоритъ. Знаю только, что Онъ совсѣмъ маленькій, въ одну пядь и вродѣ простой дощечки черной, съ богохульной надписью, — только и всего. Главное то, что надо черезъ всякую силу искать и обязательно найтти... И что - жъ вы думаете, господинъ? Вѣдь нашли и вѣдь исцѣлилась! Всѣ



Рядъ башенъ въ южной стѣнѣ Кремля, начиная съ Безымянной
A row of towers in the Southern wall of the Kreml, beginning from the Bezymiannaja

чердаки по всѣмъ домамъ и по всѣмъ церквамъ облазили, подъ всѣми крышами колокольными ходили, всѣ мусоры голубиные разрыли, а нашли - же наконецъ того. И нашли-то гдѣ? Видѣли часовенку пониже базара? Лѣтъ тысячу, небось, стоитъ, гніетъ и всякое непотребство въ ней безсовѣстнымъ народомъ дѣлается, а въ ней въ мусорѣ, и нашли. И какъ только маленько, значитъ, обчистили, промыли, протерли и принесли въ этотъ несчастный домъ, дали дѣвочкѣ помолиться хорошенько на нее, приложиться къ ней и на грудь къ себѣ взять, сразу - же дѣвочка заплакала, зарыдала, затряслась отъ великой радости — и на ноги поднялась. Вскочила, бросилась къ отцу - матери и кричитъ не своимъ голосомъ: „Милые мои родители, я теперь совсѣмъ здоровая! Зовите священниковъ, давайте молебенъ служить! Это Онъ самый и есть, — Спасъ Поруганый. Гляньте, что на Немъ написано!“ — И что - жъ вы думаете? Вѣдь и это правда оказалось. Обернули и прочли: „Не годится на Него молиться, годится горшки накрывать...“

———

Ѣдемъ шагомъ, извозчикъ, разсказывая, сидитъ бокомъ и вертитъ цыгарку, глядя въ развернутый кисетъ. Кончивъ разсказъ, онъ бормочетъ: „Прости, Господи, мое согрѣшеніе!“— и, закуривъ, смотритъ въ даль. Лѣтніе долгіе сумерки, Ростовъ Великій давно спитъ. Вдали все еще брезжитъ свѣтъ зари, но городъ давно пустъ, безлюденъ, — одинъ караульщикъ съ колотушкой въ рукѣ медленно бредетъ по длинной пыльной улицѣ. Тепло, тихо, грустно.

И несказанно прекрасны очертанія церквей надъ сумракомъ земли, на чуть зеленоватомъ и далекомъ закатномъ небѣ.

Парижъ, апрѣль 1926 г.

Ив. Бунинъ